

Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939.

Рафиков И. К. Мероприятия по сохранению рядов рабочего класса Урала (1917—1920 гг.) / Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989.

Савцов Э. Г. К вопросу о составе и формировании руководящих кадров промышленности в 1917—1923 гг. : сб. науч. трудов Московского ин-та народного хозяйства (Свердловский филиал). Вып. 4. Свердловск, 1967. С. 42.

Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.

Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941. Екатеринбург, 2001.

Фельдман М. А. Опыт демилитаризации промышленности Урала в конце 1917 — первые месяцы 1918 г. — неудачная попытка уйти с орбиты мобилизационной экономики // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. статей. Челябинск, 2012.

УДК 32 (091)

М. Р. Москаленко, Е. М. Кропанева

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.¹

В данной работе рассматриваются вопросы документального юридического закрепления концепция права на достойное человеческое существование в 1-й половине XX в. Проводится сравнительно-исторический анализ конституций и иных правовых актов, где данное право закреплено и «развернуто» в систему различных прав.

Ключевые слова: история права; право на достойное человеческое существование.

В современном мире достойное человеческое существование — это один из важнейших ориентиров общественного развития и критериев оценки общественного состояния, государственного устройства, политики. В середине XX в. концепция достойного человеческого существо-

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области в рамках проекта проведения научных исследований «Концепция достойного человеческого существования и развитие индустриальной цивилизации (на примере Уральского региона)», проект № 14-13-66001.

вания оформилась как право в ряде весомых международных юридических документов: Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) и др. Это право было «развернуто» в обширный каталог политических, социально-экономических и социально-культурных прав.

Идея права на достойное человеческое существование уходит своими корнями в глубокую древность, но развернутое теоретическое обоснование и законодательное обеспечение она получила только в документах 1-й половины XX в. Ее юридическому, документальному закреплению способствовали следующие факторы:

а) размах социалистического движения, победа социалистических революций в России, Китае и других крупных государствах; революционеры в качестве одной из приоритетных задач провозглашали защиту прав трудящихся;

б) уроки Первой и Второй мировых войн, когда в Европе едва не победил проект мироустройства III Рейха, в основе идеологии которого лежало физическое истребление ряда наций и расчистка «жизненного пространства» для одной нации;

в) успехи национально-освободительного движения, распад колониальных империй, когда концепции «расового превосходства» и «цивилизаторской миссии белого человека» окончательно стали архаизмом и пережитком истории;

г) значительный рост грамотности и образованности населения (что, естественно, вело к повышению уровня правосознания и правовой культуры);

д) упрощение доступа к информации в результате распространения новых средств связи — радио, телевидения, уплотнение на несколько порядков информационных потоков;

е) развитие движения за эгалитаризм (общество равных возможностей), равноправие женщин и мужчин, против расовой и национальной дискриминации (например, к середине XX в. цивилизованное мировое сообщество, по сути, отказалось от двух мифов, которые еще господствовали в начале XX в. — расового мифа о превосходстве европеоидной расы над остальными («миссия белого человека») и гендерного мифа об изначальной неполноценности женщины по сравнению с мужчиной).

Благодаря перечисленным обстоятельствам, именно к середине XX в. права человека получили мировое признание. Если в конце XVIII в. все провозглашаемые и законодательно закрепляемые права, относящиеся к категории «естественных и неотчуждаемых», концентрировались вокруг идеи свободы, признаваемой высшей ценностью, то в XX в. появились

права второго поколения, призванные гарантировать жизнь не только свободную, но и относительно обеспеченную. Права первого поколения воплотили и юридически закрепили ценности либерального общества. Права второго поколения отражают ценности социально ориентированного государства.

История убеждала, что свобода, предоставленная каждому, не обеспечивала всеобщего благополучия. Право свободно мыслить оказывалось бесполезным для неграмотного человека, то же самое можно сказать и о других правах. И тогда к «праву что-то делать» добавилось «право что-то получать», иначе говоря, кроме возможности что-то делать «добавилось “право что-то потреблять”» [см.: Мийон-Дельсоль, с. 210]. В социалистических же странах официально преобладал тезис, «что тот, кто голодает, нуждается в пище, а не в правах человека».

Поиски баланса между гарантиями свободы личности, с одной стороны, и правом государства перераспределять те или иные жизненные блага, с другой — оказались весьма сложными. Если в конституциях XVIII—XIX вв. были законодательно ограничены возможности государственной власти посягать на свободу, собственность и достоинство личности, то конституционное закрепление социально-экономических прав шло довольно своеобразным путем. Пионером в этом процессе оказалась Мексика. Политическая Конституция Мексиканских Соединенных Штатов была принята в 1917 г. Шестой раздел этой Конституции «О труде и социальном обеспечении» не только провозглашал право каждого человека на достойный и общественно полезный труд, но и регламентировал продолжительность рабочего дня (максимум восемь часов), запрещал использовать труд подростков младше 14 лет, устанавливал шестидневную рабочую неделю, условия труда беременных женщин и т. д. [см.: Конституция Мексиканских...]. В Конституции Мексики провозглашались права на социальное обеспечение, устанавливались пенсии по инвалидности и старости, гарантии медицинского обслуживания и т. п. Необходимо подчеркнуть, что, закрепив социально-экономические права, мексиканская Конституция провозгласила и широкий спектр гражданских и политических прав, включая право частной собственности.

Исторический опыт показал также, что попытка изменить социально-экономическую ситуацию в стране путем принятия основного закона, не учитывающего фактическое состояние общества, не приводит к успеху. Если бы уровень демократии и благосостояния населения определялся содержанием Конституции, то Мексика давно стала бы лидером социального и экономического прогресса. Реализовать социальные права в полном объеме значительно труднее, чем права первого поколения, ибо для этого

нужна высокоразвитая экономика. Следовательно, объем и степень реализованности социальных прав, в отличие от гражданских и политических прав, во многом зависят от состояния экономики и обеспечиваются постепенно. Реализация социальных прав требует больших материальных затрат, тогда как гражданские или политические менее обременительны для государственной казны [см.: Позднер, с. 47].

Следующими, включившими широкий перечень не только личных и политических, но и социально-экономических прав, были Веймарская конституция Германии 1919 г., конституции Румынии (в ред. 1923 г.), Чехословацкой Республики 1920 г., Республики Польши 1921 г., Королевства сербов, хорватов и словенцев 1921 г., Испанской Республики 1931 г. Таким образом, процесс включения прав человека в конституции со стадии либерализации и демократизации постепенно перешел на стадию социализации. Это означало, что классический подход к правам человека, связанный с утверждением идеи свободной, автономной и сильной личности, претерпел существенные изменения, права человека расширили свое социальное пространство и заставили государства обратить внимание на социально слабые слои населения. На смену классической картине прав человека пришла неклассическая версия, в которой «правами» личности были названы наряду с гражданскими и политическими свободами социальные обязательства государства. В новой схеме в части, касающейся социально-экономических прав, индивид оказался вновь зависимым (хотя и на ином уровне) от государства [см.: Глухарева, с. 200]. Однако социальная политика в данных государствах была прервана экономическим кризисом 1929—1933 гг.

Особую роль в юридическом закреплении социально-экономических прав в разных странах мира сыграла и Конституция СССР 1936 г., формально сохранившая ряд политических прав (свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций), оговорившая возможность их использования «соответствием интересам трудящихся», тем самым перечеркнувшая сам факт существования такого рода свобод. Либеральные ценности, враждебные советскому и практически не свойственные массовому российскому менталитету, были даже на уровне декларации оставлены за бортом: право, принадлежащее личности, есть не столько свобода личности, сколько ее общественная обязанность. Право как обязанность — вот коренное отличие взгляда «победившего социализма» на субъективные права личности. И потому «буржуазный принцип “все, что не запрещено законом, считается дозволенным”», должен уступить место обратному положению: дозволено лишь то, что по закону разрешено», о чем стали говорить сразу после окончания Гражданской войны [см.: Малицкий, с. 48—49].

Во-первых, считалось само собой разумеющимся, что использование гражданских прав есть высокая обязанность советского человека. Во-вторых, гражданские права трактовались как пространство свободы, предоставленное трудящимся для наилучшего отправления их производственных и общественных обязанностей (как пространство передового опыта, ударничества и подвижничества). В-третьих, предполагалось, что субъективные личные права, как бы они ни трактовались самими их обладателями, дарованы гражданину СССР на условии признания им своего первичного священного долга перед социалистическим строем [см.: Соловьев].

Конституция СССР 1936 г. предусматривала право граждан на труд, «то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством» (ст. 118), право на отдых (ст. 119), право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности (ст. 120), право на образование (ст. 121). Конституция СССР 1977 г. расширила перечень провозглашаемых социальных прав, добавив права на охрану здоровья (ст. 42), на жилище (ст. 44), на пользование достижениями культуры (ст. 46), а также гарантировал свободу научного, технического и художественного творчества (ст. 47).

Социально-экономические права в условиях ликвидации частной собственности оказались очень удобной идеологической ширмой, прикрывающей экономическую и политическую монополию государства на устройство жизни своих подданных и, как следствие этого, на полную ликвидацию «пространства свободы». Несмотря на такое обилие предоставленных советскими конституциями прав второго поколения, многие западные юристы отзываются о них как о «простых клочках бумаги, не предназначенных для практического применения» [см.: Элстер].

Также главным обвинением советским конституциям является то, что «социально-экономические права без политических и гражданских прав несут в себе идею деспотического государства, ибо экономические, социальные и культурные права сами по себе еще не являются правами. Они становятся правами только в сочетании со свободами» [см.: Хеллер]. Социалистический принцип, когда средства на социальное обеспечение малоимущих и нетрудоспособных распределяет исключительно государство, создает несправедливые привилегии для власти имущих, исключая участие частных лиц и общественных организаций. Государство отдает в эту сферу ничтожную часть своего дохода, который оно предпочитает расходовать на свое укрепление [см.: Хеллер].

Таким образом, главными объектами критики Конституции СССР 1936 г. служит то, что она прикрывала этатизм и патернализм государства, а многие либеральные свободы были фиктивны.

Но при всем этом следует учитывать исторический фон принятия Конституции СССР 1936 г. Наша страна тогда находилась на ранней стадии развития индустриального общества с соответствующими характеристиками: достаточно тяжелые условия труда и быта населения, низкая степень образованности и зачастую правовая безграмотность большинства людей. В раннеиндустриальных обществах, как правило, большинство населения еще фактически не пользуется разнообразными либеральными свободами; чаще всего, они являются привилегией элиты (как это было, скажем, в Англии XIX в. с высочайшими имущественными цензами для реализации избирательного права и политической деятельности). Кроме того, в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. значительно выросли безработица и нищета (даже в богатейших США), и правительствам приходилось прилагать громадные усилия для нормализации экономики. В промежутке между двумя мировыми войнами во многих странах Евразии, лишившихся монархии и находящихся в состоянии перехода к индустриальной цивилизации, разоренных войной, с огромным количеством маргиналов и пауперов, возникли политические режимы, основанные на этатизме и патернализме, во главе с почитаемыми и сакрализованными фигурами диктаторов. В литературе отмечается, что «культы вождей» были важным переходным этапом при политической эволюции общества от монархии к демократии [см.: Медушевский]. Иррациональное массовое сознание, фрустрированное войной и переходом к новому обществу, нуждалось в таком институте, который бы упорядочивал картину мира и на какое-то время давал устойчивые ориентиры и ценности, опираясь на архетипические модели (русская мессианская идея, арийский миф, возрождение величия Римской Империи и др.). Тут и возникает отмеченный Э. Фроммом феномен «Бегства от свободы» — в мире, полном опасностей и угроз для жизни человека (а именно таким был мир 1914—1945 гг.), а прежние ценности рушатся, большинству людей не до либеральных свобод — главным становится физическое выживание.

В СССР экономическая разруха после Первой мировой и Гражданской войн и необходимость модернизационного индустриального рывка, а также исторические традиции сильной государственной власти как главного интегратора общества делали этатизм и патернализм едва ли не системообразующими элементами всей цивилизации. После 1950-х гг., когда ценности рационального мышления и научной картины мира достаточно хорошо усвоились массовым сознанием, политические системы, ориентированные на сакрализацию лидера, стали анахронизмом. Парадокс был в том, что именно в тоталитарных и авторитарных режимах идея права на достойное человеческое существование получила новый ракурс — многие

социально-экономические права получили законодательное закрепление (практически одновременно, а то и раньше, чем в западных либерально-демократических обществах), население интенсивно образовывалось и приобщалось к ценностям научно-технической цивилизации. Тем самым создавались условия для появления массового человека нового типа — достаточно образованного, привыкшего воспринимать социальные гарантии как должное и начинающего требовать для себя свободы творчества и реализации различных либеральных свобод (советский «средний класс» 1980-х гг.).

И в этом ракурсе Конституция СССР 1936 г. была вполне прогрессивной для своей эпохи и исторических условий.

Несмотря на формальность перечисленных выше конституций, они оказали мощное влияние на активизацию движений за признание экономических и социальных прав народов многих стран мира. Для многих западных держав страх перед «коммунистической угрозой» наряду с внутренними социально-экономическими и культурными потребностями сыграл роль серьезного стимула для расширения прав трудящихся и повышения уровня их жизни.

Первым из международных документов, отразившим весь комплекс прав первого и второго поколения, была Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 г. Несмотря на «непоследовательность декларации», «отсутствии в ней иерархии прав» и т. д., Всеобщая декларация прав человека «остаётся лучшим из возможных решений проблемы, поскольку права, содержащиеся в ней, действуют как моральные требования, как нравственные нормы, регулирующие поведение и взгляды людей. Всеобщая декларация оставляет место для любых политических решений проблемы, согласующихся с этими моральными требованиями» [см.: Хеллер].

Всеобщая декларация надолго задала высокую планку, стандарт прав человека, к которому мир должен стремиться. Не случайно огромное количество правовых документов стран, входящих в ООН, основано на принципах, провозглашенных во Всеобщей декларации. Первый пункт Всеобщей декларации прав человека в качестве «общей нормы для всех народов и всех государств» гласит: «Люди рождаются свободными и равными в достоинстве и правах. Все они наделены разумом и совестью». Таким образом, Всеобщая декларация явила естественный закон как аксиому.

Наряду с расширением спектра гражданских и политических прав (запрещение рабства, пыток, право на свободу передвижения, право на получение и распространение информации и т. п.), Всеобщая декларация

прав человека провозгласила также, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства» [Всеобщая...]. Ст. 23 провозгласила право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы. Кроме того, в этой же статье указывается, что «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое при необходимости другими средствами социального обеспечения». Всеобщая декларация закрепила также «право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск»), «на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам». Всеобщая декларация закрепила также право на бесплатное начальное и общее образование, общедоступное техническое образование и равную доступность для всех высшего образования «на основе способностей каждого», а также право «свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами» [см.: Международные..., с. 10—11].

Права второго поколения обычно квалифицируются в качестве целевых, программных, обязывающих государство на социально ориентированную деятельность. Это не субъективные права, а объективные обязанности государства, выполнение которых находится в зависимости от состояния экономики страны. Соответственно, провозглашенные международными актами и конституцией социально-экономические права непосредственно не подлежат судебной защите, а рассматриваются как общие установки на социальную защищенность, которые должны быть конкретизированы в текущем законодательстве, исходя из финансовых возможностей государства [см.: Международные..., с. 10—11].

Почти одновременно с принятием ООН Всеобщей декларации прав человека были приняты региональные международные акты: Американская декларация прав и обязанностей человека (1948) и Европейская конвенция о правах человека (1950). В первом из этих документов помимо

традиционных гражданских и политических прав зафиксировано право на «сохранение здоровья и благосостояния, право на образование, право на участие в культурной жизни, право на труд и справедливое вознаграждение за работу, право на отдых, на социальное обеспечение». Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, напротив, ограничивается традиционными гражданскими и политическими правами.

Кроме того, права социально-экономического характера получили широкое отражение в документах Международной организации труда (МОТ), которая была создана еще в 1919 г. в рамках Лиги Наций, а в 1946 г. стала первым специализированным учреждением Организации Объединенных Наций. Основной целью МОТ является международно-правовое регулирование труда в целях улучшения его условий. Система контроля, разработанная в МОТ, довольно развита и осуществляется в различных формах и разными методами. Это дало основание утверждениям, что она является наиболее эффективной, прогрессивной и может быть принята в качестве «модели для других систем имплементации прав человека» [см.: Декларация МОТ].

Так в 1-й половине XX в. происходит юридическое, документальное закрепление современной концепции права на достойное человеческое существование, его конкретизация, уточнение и развитие в систему различных прав социально-экономического и культурно-политического характера и их закрепление на национальном и международном уровнях. Эта система и сегодня является основной мировоззренческой и правовой доминантой общественного развития в большей части мира.

Варламова Н. Конституционный статус социально-экономических прав. Введение // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2000. № 1. С. 16—22.

Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). [Электрон. ресурс]. URL: КонсультантПлюс. Высшая школа. Выпуск 19. Весна, 2013.

Глухарева Л. И. Права человека. М., 2002.

Декларация МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации. [Электрон. ресурс]. URL: http://www.un.org/russian/document/declarat/ilo_principles.htm (дата обращения: 30.09.13).

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.). URL: <http://echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения: 30.09.13).

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Конституция международного государства. М., 1978.

Конституция Мексиканских Соединенных Штатов. 5 февраля 1917 г. [Электрон. ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/51> (дата обращения: 30.09.13).

- Малицкий А.* Советская конституция. Харьков, 1925.
- Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- Международные документы по правам человека* : сб. СПб., 1997.
- Мийон-Дельсоль Ш.* Политические идеи XX века. М., 1995.
- Михайловская И.* Концепция прав человека и их значение для посткоммунистической России. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.hrightrights.ru/text/b9/Chapter5.htm> (дата обращения: 15.05.13).
- Мордачев В. Д.* Теория обмена труда: История. Этика. Психология. Кн. 1. Екатеринбург, 2006.
- Позднер Р. А.* Цена обеспечения юридических прав // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. М., 1995. № 3. С. 43—53.
- Соловьев Э. Ю.* Права человека в политическом опыте России (вклад и уроки XX столетия). [Электрон. ресурс]. URL: http://www.vvsu.ru/infotech/Portal_guest/Philosophy/library/lib3.html (дата обращения: 15.05.13).
- Хеллер А.* Свобода как высшая ценность. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.hrightrights.ru/text/b2/Chapter4.htm> (дата обращения: 15.05.13).
- Элстер Й.* Влияние прав человека на экономическое развитие. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.hrightrights.ru/text/b4/Chapter9.htm> (дата обращения: 15.05.13).

УДК 94(4) «1492/1914» + 070.481(09)

Е. П. Емельянов

ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ ГАЗЕТ (1861—1868)¹

В статье рассматриваются взгляды на остзейский вопрос, выраженные на страницах газет И. С. Аксакова «День» и «Москва». Анализируется влияние внешне- и внутривнутриполитических факторов на формирование этих взглядов и проводится их сопоставление с позицией других печатных изданий по данному вопросу.

К л ю ч е в ы е с л о в а : славянофильство; остзейский вопрос; балтийский конституционализм; И. С. Аксаков; Ю. Ф. Самарин.

Восшествие Александра II в 1855 г. на престол Российской империи, ознаменовало начало эпохи Великих реформ, выразившихся в либерализации всех сфер общественной жизни. И хотя периодическая печать до 1865 г. продолжала регулироваться цензурным уставом, принятым еще

---

¹Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ № МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».